

4733.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

„КЪ ВОПРОСУ О ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СЛАВЯНСКИХЪ НА-
РЪЧІЙ. ЕТС. ИЗСЛѢДОВАНІЕ А. КОЧУБИНСКАГО“.

РЕЦЕНЗІЯ

И. БОДУЭНА-ДЕ-КУРТЕНЭ
(J. BAUDOIN DE COURTENAY).

КАЗАНЬ.

Типографіи „Эрагеронага“

1879.

891.804
K76.k0
B34

По опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется. Казань,
21 декабря 1878 года.

И. д. декана Н. Ойрсовъ.

КЪ ВОПРОСУ О ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЙ. Основная вокализация плавныхъ сочетаній: конс. + л, р + з — ь + конс. I. Исслѣдованіе А. Кочубинскаго, доцента императорскаго новорос. университета, непремѣннаго члена императ. общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи въ Москвѣ. Изъ XXIII т. Записокъ Императорскаго Новороссійскаго Университета. Одесса, печатано въ тип. Ульриха и Шульце, въ Красномъ переулкѣ, домъ Шварца, № 3. 1877. — 8°, IV + 222.

Г. Кочубинскій задался мыслью сказать нѣчто новое по вопросу классификаціи словянскихъ нарѣчій. Для этой цѣли, какъ видно уже изъ заглавія, имъ избраны пока только „сочетанія: конс. + л, р + з — ь + конс.“, т. е. такіе случаи сочетаній гласныхъ и плавныхъ согласныхъ (л, р) или же эквивалентовъ этихъ сочетаній, которые, имѣя въ русскомъ языкѣ только одно о или е, разнообразятся въ отдѣльныхъ нарѣчійхъ словянскихъ, не только относительно качества своихъ составныхъ элементовъ (гласнаго и плавнаго согласнаго), но тоже и относительно взаимнаго порядка этихъ элементовъ.

Подробному разбору такихъ сочетаній авторъ предпослалъ введене, въ которомъ, во первыхъ, устанавливаетъ общій взглядъ на вопросъ классификаціи аріевропейскихъ языковъ вообще („Глава I. Размѣщеніе членовъ арійской семьи“, 1—13), а словянскихъ въ особенности („Глава II. Размѣщеніе членовъ славянской семьи“, 14—27), и затѣмъ изслѣдуетъ, на сколько нѣкоторыя изъ приводимыхъ обыкновенно признаковъ отличія словянскихъ языковъ годятся для этой цѣли („Глава III. Судьбы з и сочетаній t, d + j, какъ основа классификаціи“, 28—67).

Остальная часть книги (69—223) посвящена разбору главного предмета изслѣдованія нашего автора. Впрочем в этом первом выпускѣ автор ограничился только сочетаніями в стсл. согласнаго л с гласными з и ь, в остальных же нарѣчіях их законными замѣнителями. Стало быть, оставлены пока без вниманія сочетанія з и ь с согласным р. Сочетанія же других гласных (а, ѣ и т. п.) с плавными согласными не входят, кажется, в план полнаго сочиненія, задуманнаго нашим автором. Порядок глав этой главной части есть слѣдующій:

„Вступительное слово“ (69—74).

„Плавныя сочетанія: конс.+л+ъ—ь+конс.“ (75—222).

„Глава I. Послѣдовательность ол—лз“ (75—162).

„ „ II. „ ло—лз“ (163—185).

„ „ III. „ ел—лз“ (186—198).

„ „ IV. „ ле—лз“ (199—218).

„ „ V. Заключение перваго отдѣла“ (219—222).

Дополненіе (223).

Въ I—IV главах (стр. 75—218) автор придерживается слѣдующаго порядка изложенія: Сначала разсматриваются данныя сочетанія в русском языкѣ (75—88, 163—165, 186—188, 199—200), затѣм, в языках польском (88—95, 165—167, 188—189, 201—203), полабском (95—100, 167—168, 189, 203—204), в обоих лужицких, нижнем (100—103, 168—169, 189, 204—205) и верхнем (103—106, 169—170, 190, 205—206), в чешском и словацком (106—130, 170—174, 190—192, 206—207), в словенском и „кавказском“ (130—134, 174—177, 192—193, 207—208), в сербо-хорватском (134—140, 177—179, 193, 208—209), в дако-славянском (140—144, 179—180, 194, 209—210), болгарском (144—151, 180—182, 194—195, 210—213) и старословянском (151—157, 182—183, 196—197, 213—217). В концѣ же каждой главы словянскія слова, подходящія под разбираемую категорію „плавнаго сочетанія“, сравниваются со словами других (аріевропейских) языков (157—162, 184—185, 197—198, 217—218).

Изложив вкратцѣ содержаніе книги г. Кочубинскаго, перехожу теперь к разсмотрѣнію ея достоинств и недостатков. Это разсмотрѣніе ознакомит нас тоже подробнѣе и с самим содержаніем диссертаци, и покажет, что суть всего составляет здѣсь одна предвзятая и ничѣм не доказанная мысль

о безусловном старшинствѣ и древности „русскаго языка“, в сравненіи с другими „славянскими нарѣчіями“.

Так как недостатков в книгѣ г. К-го, — как по количеству, так и по вѣскости каждаго из них, — несравненно больше, нежели достоинств, то и начнем с разсмотрѣнія недостатков. При этом мы поставим вопрос слѣдующим образомъ: Насколько г. К. исполнил необходимыя условія произведеній научно-индуктивнаго характера?

I.

Одним из таких необходимых условій успѣха индуктивнаго изслѣдованія является критическое отношеніе к источникам, которыми пользовался автор, и к фактам, легшим в основаніе его выводов.

Отношенія г. К-го к источникам и фактам нельзя все назвать критическим.

Так напр., он считает *Mater Verborum* памятником безусловно подлинным (стр. 80 и др.), не смотря на прежнія сомнѣнія и на послѣднія довольно вѣскія и убѣдительныя возраженія против подлинности большинства чешских глосс этого памятника⁽¹⁾. Об этих сомнѣніях и возраженіях г. К. должен был знать и, признавая их, опровергнуть их хоть в нѣскольких словах.

Ссыдаться на изданія В. А. Мацѣвскаго (W. A. Maciejowski) (стр. 94 и др.) может только человек, или не ознакомленный с незавидными свойствами этих изданій, или же не считающій подобных свойств с научной точки зрѣнія ничѣм предосудительным. Известно, что г. Мацѣвскій вовсе не дорожит при изданіях памятников точностью и добросовѣстностью, так что всѣ его изданія носят на себѣ отпечаток крайней недобросовѣстности, торопливости и ненаучнаго дилетантизма. А между тѣм выловленная в одном из изданій г. Мацѣвскаго форма *paralnoa* (!! (94) принимается г. Кочубинским как нѣчто несомнѣнное, и на ней строится один из его крайне неудачных частных выводов.

⁽¹⁾ См., между прочим, V. Jagić „Die Fälschungen in der *Mater Verborum* des Prager Codex“. (Archiv f. slavische Philologie. III. Berlin. 1878, 112—123).

Примѣры форм болгарскаго языка берутся г. К-м не только из подлинных и добросовѣстных изданій, но тоже из таких изданій, как сборники г. Верковича, неподложность которых мы имѣем полное право сильно заподозривать. Кто, как г. Веркович, мог с меркантильною цѣлью сочинить эпическія словянскія пѣсни о Вишну, об Орфеѣ, об Александрѣ Македонском и т. д., тому, я думаю, ничего не стоило сочинять тоже пѣсни с другим содержаніем.

Исслѣдователь, берущій примѣры из каких бы то ни было письменных памятников, должен справляться с элементарными требованіями палеографіи. Элементарныя же требованія палеографіи весьма просты и незамысловаты.

Прежде всего слѣдует допускать возможность простых описок, и, выдумывая разныя гипотезы и глубокомысленные выводы, не пользоваться очевидными или же хотя бы только возможными описками. Между тѣм г. К. является в этом отношеніи далеко не разборчивым, считая описки явленіями равноправными с написаніями, в самом дѣлѣ характеризующими памятники известной категоріи. Он ловит эти разныя описки и на них строит выводы и теоріи. Ср., напримѣр, допускаемая г. К.-м серб. *чолвк* (86), *valastelin* (142), *Вольжась* (140), польск. *mlowenye*, *mlowicz* (?) (94, 92), чешск. *Jawr*, *Jaurnik*, *Jaurow* (129), стсл. *скръпни-инз* (155) и т. п. Точно так же, допуская ѣ вм. *жд* в языкѣ стсл.-ом, *жс* вм. *жд* в болг., серб. и стсл., *дз* (дз) в болг., *з* вм. *жд* в стсл.-ом и малорусском (36), г. К. или смѣшивает возможные описки рукописей с особенностями языка, или же не принимает в соображеніе спеціальных условій, которыми можно объяснять в данном нарѣчій подобную замѣну стсл.-го *жд*.

При этом для г. К-го совершенно безразлично, встрѣчается ли известное написаніе только один раз, или же оно постоянно повторяется. Так, между прочим, сам г. К. заявляет, что в Остромировом Евангеліи „основа эта“ (т. е. *плоть*) „пятнадцать разъ — въ неизмѣнной формѣ *пльт*, въ шестнадцатый съ небольшимъ измѣненіемъ — *пльт*“ (164), а между тѣм оба эти написанія, один раз попадающееся *пльт* и 15 раз встрѣчающееся *пльт*, для него совершенно равноправны. Развѣ это не значит ставить описки на одну доску с настоя-

щими написаниями рукописей, и так по тѣм, так и по другим дѣлать равносильныя заключенія? То же самое относится къ Зографскому Евангелію, в котором тоже постоянно имѣется пльть, и только раз (Матѣ. XVI, 17, 40b) попадаетъ пльть (Jagic, Archiv für slavische Philologie II, 211), выдаваемое г. К-м за нѣчто особенное (164¹) и т. д.

Не удивительно, что при таком безцеремонном обращеніи съ элементарными требованіями палеографической техники г. К. вводит ложныя показанія на памятники. Он совершенно произвольно, по примѣру Миклошича, допускает стсл. *слза*, употреблявшееся же безразлично рядом съ *слза* (199); между тѣм как въ Бехисоп'ѣ Миклошича стоит, правда, во главѣ статьи *слза*, но въ приводимых им примѣрах только или *слза*, или же *слеза*. Допускаемая же г. К-м слова *блзвати*, *блзкъ*, *кльнж*, *кльжж*, *пльзати* (199) даже Miklosich приводит въ видѣ *блзвати*, *блзкъ*, *кльнж*, *кльжж*, *пльзати*. Между прочим, под словом *блзкъ* мы находим у Mikl.-а:

„*кльжж*, *кльжж* Manassis chronica saec. XIV bulg. = *кльжж*“.
Стало-быть, *блзкъ*, правда, встрѣчается, но только въ памятникѣ болгарской рецензіи XIV ст. Только невниманіем строя стсл.-го языка можно объяснить себѣ предположеніе г. К-го, что *блзкъ* или хотя бы даже *блзкъ* возможны, как старославянскіе рефлексы этого слова, тогда как въ стсл. возможна единственная форма *кльжж* (ср. *свѣтъ*, *цвѣтъ* и т. п.) (см. ниже). См. тоже стр. 213—214.

То же самое можно сказать о формѣ пльза (вм. *пльза*), вѣроятной опискѣ, встрѣчающейся въ памятникѣ только XVI ст. (у Mikl.: *тпн.-леор.*), и выдаваемой г. К-м (155) за настоящую стсл.-ую форму.

Нельзя не замѣтить, что г. К. упускает из виду столь обычное въ рукописях смѣшеніе начертаній и их комплексов, вслѣдствіе смѣшенія въ языкѣ соответствующих им звуков и сочетаній звуков. Так, между прочим, извѣстно, что для писца Остромирова Евангелія *оу* и *я* обозначали безразлично *у* (напр. *дрягоуѣж* вм. *дрюгѣж* и т. п.). Нѣчто подобное относится, по всей вѣроятности, и къ встрѣчаемому въ памятниках русской рецензіи (Свят.) написанію *скръпниинѣ* от „инославянской“ (?) „основы *скорп*“ (155). Для русскаго писца *рѣ* или *ръ*: старославянских памятников могло казаться тождественным *ор* или же *оръ* (*орь*); ср. стсл. *трагъ* = рус.

тор и т. п. А еще вбродяче, что пропуск *о* в *скръпнннн* (вм. *скорьпннн*) есть простая описка.

Г. К. проявляет азбучный субъективизм или произвол, утверждая, вопреки палеографическим данным, что буква *щ* произошла из слитія в одно цѣлое букв *ш* и *ч* (!) (40, 49, 49—50 и др.), доказательства чему приводятся, между прочим, из „пражских глаголических отрывков“ (40, 50), представляющих несомнѣнные слѣды чешскаго вліянія, и поэтому несправедливо считаемых г. К.-м памятниками чисто старословянскими. Если в русской азбуцѣ *щ* не значило *шч*, г. К.-му даже в голову не пришло бы утверждать, что стсл. *нѣ* есть обратительный знак вм. *ш* и *ч*. — Ставя же „пражскіе глаголическіе отрывки“, равно как и памятники болгарской, русской и сербской рецензій поздняго времени (XIV и даже XVI ст.) на одну доску с древнѣйшими памятниками стсл.-ой письменности, наш автор выказывает грубое незнаніе относительнаго достоинства памятников стсл.-их.

Г. К. высказывает очевидную палеографическую неправду, противорѣчащую всѣм палеографическим данным, утверждая, что „чѣмъ старѣе рукопись, тѣмъ чаще взаимная мѣна *ш* и *ч*“ (149); что „уже въ старословенскихъ памятникахъ смѣшиваются *ш* — и, *ч* — *к*“ (184), что в Зогр. Ев. имѣется в.м. *ч* (151. — слѣдствие непониманія фонетики стсл.-ой!), и т. д. Всѣ эти утвержденія можно объяснить себѣ или тенденціозностью, или же наивностью почтеннаго автора.

Кромѣ этих и им подобных случаев, г. К. выказал непониманіе фонетическаго строя стсл.-го языка, непониманіе отношенія древняго стсл.-го языка к его позднѣйшим видоизмѣненіям и, наконец, незнаніе объясненій, данных другими учеными, — заявляя, что *е* и *о* в словах *прокльннше*, *четвертокъ*, *прибитокъ*, *начатокъ* и т. д. „клицевой глаголиты“ древнѣе *ѣ* и *ѣ* в стсл.-ой формѣ *прокльннше*, *четверткъ*, *прибиткъ*, *начаткъ* и т. д. (215, 156), между тѣм как совершенно наоборотъ *е* развилось из *ѣ*, а *о* из *ѣ* при исчезовеніи *ѣ* или *ѣ* слѣдующаго слога.

Разсматривая полабскія слова, сохраненныя в рукописях, г. К. безусловно вѣрит буквам, записанным Нѣмцами (99), и таким образом смѣшивает буквы и звуки. Точно так же г. К. вѣрит буквам западно-славянских (полабских, лужицких и т. п.) слов, попадающихся в латинских грамотах (98), и не смущается вовсе соображеніем, что вѣдь эти сло-

ва записывали Нѣмцы, только с трудом отличавшіе особенности словянских звуков. Само собою разумѣется, что правописанію памятников чешских или же чешско-латинских г. К. вѣрит безусловно (115), забывая при этом, что, если ему, г. К-му, разныя предвзятая теоріи и заднія мысли не позволяют прійти в какомъ бы то ни было результату, то тѣм болѣе ложная латинско-византійская теорія о необходимости особаго гласнаго (vocalis) в каждом слогѣ должна была мѣшать средневѣковым писцам изображать с надлежащею точностью звуки и слоги чешскаго языка и других языков с подобным же строеніем „плавныхъ“ слогов.

Г. К-му „правописаніе итальянское Далмаціи — *ch*, гдѣ теперь *c*, говоритъ о“ „звуковой близости *h* и *c*“ (39), между тѣм как это правописаніе рѣшительно ничего не говорит в пользу теорій г. К-го.

В виду всего этого, в виду рабских, неумѣлых заключеній г. К-го по буквам о звуках, нельзя не удивляться его развязности и смѣлости, с которыми он позволяет себѣ упрекать „школу болгаристовъ“ за то, что она „держится буквы“ (153).

Ниже увидим, что для г. К-го логика вовсе не существует, и что ему не достает чутья для самых элементарныхъ требованій строгаго мышленія. Утверждать на одной страницѣ, что *A* черно, а на другой, что оно бѣло, г. К. никогда не затрудняется. Поэтому не удивительно, что, придерживаясь в иныхъ случаях, как мы видѣли, буквъ памятников и при своихъ выводахъ ни на волос от них не отступая, он в другихъ случаяхъ позволяет себѣ в этомъ отношеніи безпримѣрная вольности. Такъ напримѣр, записыватели полабскихъ слов по поводу слов *chale* (!), *gale* (!) (желть?!) называются „неумѣлыми“ (189), между тѣм как прежде мы слѣпо им вѣрили.

Точно такъ же раз г. К. вѣрит безусловно правописанію старыхъ памятниковъ чешскихъ, другой раз самъ указывает на ихъ неточности в обозначеніи звуков. — Затѣм, с одной стороны г. К. вѣрит безусловно правописанію старыхъ чешскихъ памятниковъ (напр. 115 и др.), с другой же отрицаетъ значеніе и фонетическую точность теперешняго правописанія Чехов, Хорватов и Сербов, как и вообще отрицаетъ значеніе всѣхъ памятниковъ, тѣм или другимъ образомъ противорѣчающихъ его выдумкамъ (напр. 117 и др.). При этомъ

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

1733.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

„КЪ ВОПРОСУ О ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СЛАВЯНСКИХЪ НА-
РЪЧІЙ. ЕТС. ИЗСЛѢДОВАНІЕ А. КОЧУБІНСКАГО“.

РЕЦЕНЗІЯ

И. БОДУЭНА-ДЕ-КУРТЕНЭ
(J. BAUDOIN DE COURTENAY).

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета

1879.

азбуки в примененіи к звукам стел.-го языка свидетельствует об их здоровом разсудкѣ, о тонкой наблюдательности и чутком пониманіи как природы звуков, так и задачи их письменнаго изображенія. Но спрашивается, откуда г. К. почерпнул свои свѣдѣнія о выдуманной им школѣ? Послушаем-те всѣх его соображеній по этому поводу:

„Это употребленіе формулы лз, рз для изображенія несомнѣнныхъ слоговъ *вос. + л, р* я могу понимать, какъ приѣмъ школы, результатъ преемственнаго пониманія школьной формулы лз, рз.

„Въ виду указанныхъ отступленій рукописей, въ виду указанныхъ соображеній о преемственной передачѣ пониманія „словѣнскаго“ письма, я смѣю полагать, что загадочная формула лз есть школьный, условный графическій приѣмъ для изображенія слога *вос. + л* или *зл*, подобный приѣму старочешскихъ рукописей *ly, ry* вм. *zl, zr*“ (156).

„Если одна и та же основа могла изображаться то съ сочетаніемъ лз, то съ соч. ел, ѡл, при чемъ правописаніе ел, ѡл лишь какъ изъятіе изъ правила, „описка“, то, принявъ во вниманіе, что „описка“ обусловливается живою рѣчью забываго на минуту школьную традицію писца — болгарина или серба, необходимо полагать, что правописаніе лз было лишь условнымъ приѣмомъ школы, прикрывавшимъ собою не соответствующій ему фактъ языка — сочетаніе ел, ѡл (зл)“ (196).

„Въ памятникѣхъ этихъ“ (стел.-их) „необходимо различать фактъ правописанія — *обычай школы* — отъ факта языка“ (197).

„Естественно, переносъ з на дѣво отъ л, р былъ бы невозможенъ если бы не было въ тому повода въ языкѣ, въ живой рѣчи писца, — языкъ вынуждалъ послѣдняго *tacite* отступать отъ *традиціоннаго приѣма*“ (?) (155). И т. п.

Слѣдовательно, нивакихъ положительныхъ доказательствъ существованія подобной школы, занимавшей де ереографическими хитросплетнями, не имѣется, и эта „школа“ является чистою досужною выдумкой г. К-го.

Не понимая письменности памятников, которыми пользуется, автор не исполняетъ элементарныхъ условій критики с точки зрѣнія палеографіи. Безкритичность же общелингви-

стическая явствует из смѣшенія г. К-мъ букв и звуков вообще. Доказательствами смѣшенія букв и звуков служатъ, во первых, выше приведенныя рабскія записки по написанію словъ в памятникѣх о звуковомъ составѣ словъ в языкѣ (ср. в особенности стр. 81, 87, и др.) и затѣмъ слѣдующія мѣста в книгѣ г. К-го:

... *ny* (т. е. *ky, k'*) считается чѣм-то совершенно отличнымъ отъ *h* (*tj*) (35, 42, 43 и 43), а *ny* — отличнымъ отъ *h* (*dj*) (36, 45) (ср. тоже стр. 42).

... „мы и въ настоящую минуту видимъ свободное употребленіе въ устахъ одного и того же челоука — то *dy*, то *ty*, да же *h*“ (45).

... *ol* в *zólcs* (zólcs) Флоріанской Псалтыри обозначает не непременно *ol*, а не *ol* (*ul*) (188).

Если рядомъ съ *ryln* встрѣчается в чешскихъ памятникахъ *ryln*, то нашъ авторъ видитъ в этомъ только „свободную перестановку глухаго вокала“ (118), а дальнѣе не идетъ, ничего не поднимая и ничего не соображая, между прочимъ не принимая во вниманіе им же самимъ приводимой формы *rln* (119).

„самый звукъ *e* есть ничто иное, какъ приблизительный выразитель многихъ соприкасающихся звуковъ“ (9¹).

... „обычно при *l* развивается призвукъ *e*“ (18), тогда какъ на самомъ дѣлѣ в словенскомъ и *e* и *l* существуютъ только в написаніи, в языкѣ же нѣтъ здѣсь ни *e*, ни *l*.

„Въ кайкавскомъ нарѣчьи, что между Дравой и Савой, обычно, чѣмъ въ болгарскомъ, является *e* гдѣ мы бы ожидали“, (почему?) „о . . .“ (30—31).

„рождество почти постоянно является съ формой *ж* и его“ (кого?) „видоизмѣненіями: *ш, ѣ, в, h*“ (55). Здѣсь *ж* выражаетъ собственно звукъ *z* (или *s*), развившійся изъ *h* при исключительныхъ условіяхъ, нашъ авторъ же не в состояніи поздравлять нѣчто подобное. Для г. К-го достаточно написать *ж*, чтобы звуки, имъ обозначенные, сдѣлались идентичными. Для него (г. К-го) звуки, обозначаемые латинскими буквами *j, sh, h, g* в польскомъ, чешскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, французскомъ, англійскомъ и т. д. должны быть тоже, при одной и той же буквѣ, вполне тождественны.

Подобнаго рода наивность заставляетъ автора считать въ полабскихъ словахъ, записанныхъ Нѣмцами, обозначающимъ звукъ *z* (*z* польскаго, чешскаго и вообще латино-славянскаго алфавита) (63). Г. К. даже не подозреваетъ, что *z* здѣсь

имѣетъ назначеніе нѣмецкаго *z*, т. е. должно обозначать *z* (*c*) или *dz*, за неизвѣстной особой буквы, *dz* (*dz*), и что для обозначенія звука *z* (*z*) Нѣмец употребилъ бы скорѣе всего букву *z*. В русскихъ *желтъ*, *желкнуть*, *желчь* и т. п. г. К. не слышитъ вовсе гласнаго *o*, а видитъ гласный *e* (70, 103, 186 и т. д.).

Польскія *rojk* (собственно *rojk*) и *ryjk* отличаются только написаніемъ, а вовсе не произношеніемъ, какъ утверждаетъ г. К. (71).

Написаніе „словенскаго *vojk*“ (70) есть результатъ произвола и смѣшенія буквъ и звуковъ.

В написаніи полабскаго слова *billjawe* г. К. считаетъ *i* „вогальнымъ нарѣстомъ“ (204), звукъ же „*a* на почвѣ полабскаго языка отвѣчаетъ, или замѣняетъ, рус. *a*“ (204) (что совершенно невѣрно и не критично), с другой же стороны, „*a* можетъ выражать и вообще неопредѣленный звукъ, между прочимъ, *e*“ (204).

Переходъ или усиленіе *e* въ *o*, какъ только на немъ „стоитъ“ (!) „удареніе“ (186).

Само собою разумѣется, что для столь критическаго изслѣдователя, какъ г. К., сомнительные факты имѣютъ такую же цѣну, какъ и несомнѣнные. Такъ, между прочимъ, весьма сомнительно

считать слово *неборакъ* словомъ русскимъ (59), звукъ же *ѣ* в кайкав. „*ječ*, *ješte*, *roveč*, *rovešte*“ „равносильнымъ смягченію *dj*“ (58—59),

и *жд* в стсл.-омъ („словѣньскомъ“) считать тождественнымъ *ж, з* (59),

навязывать стсл.-у языку слово *слъза* (с *z*) (70), и затѣмъ *сръба*, *срътъ* (!) (70),

принимать для русской „живой рѣчи“ слово *яболко* (164), для старосербскаго яз. *волк*, *воук* (71), для словацкаго *ml'ko* или *ml'ko* (172, 207), для старонольскаго *volodarius* (80¹),

считать усвоенныя изъ русскаго болг. слова *граждани*, *рожате*, *чужи*, *кляжатъ* (?) чисто болгарскими (61),

и утверждать, что „Болгаринъ говорить безразлично“ (!) „*ируди*, *иреди*, *ирди*, *ирди*“ (85), *сълнце* или *слънце* (110—111) и т. п. (144) и т. д. и т. д.

Вообще можно сказать, что г. К. ловит комичные случаи «спорадических псевдопереходов звуков», и на них строит свои выводы.

Г. К. допускает невозможныя, никогда не существовавшія, выдуманныя формы в разных славянских и других языках. Напримѣр:

серб. *наполни* в „да имь есть наполни“ (136), *сејећа* (39),

стсл. *цвѣтлз* (18), *надлз* (18), род. ед. ж. „црѣве паноньсклж“ (131); *юудейатль*, — *тнч* (43), *жльнть* (73),

словенс. 1 ед. *колпи* (176, вм. *kolpem*),

чешск. *klouzati* (106, вм. *klouzati*),

польс. *brwa* (166, вм. *brew*).

Стел. слово *сма* (187 и др.) есть не собственное изобрѣтеніе автора, но он повторяет его без разбора, *junius in verba magistri*, i. e. Miklosichii, хотя впрочем в одном мѣстѣ (214) он спорит с Миклошичем по поводу этого слова.

Весьма похвальна скромность, с которою г. К. не считает себя „специалистомъ въ области инославянскихъ языковъ“ (158). Я думаю, что тою же скромностью слѣдовало руководствоваться и относительно языков славянских, потому что и в области этихъ языков г. К. является далеко не специалистом (доказательства почти на каждой стр. сочиненія г. К-го).

Не смотря однакож на всю свою скромность, г. К. тѣмъ не менѣе не отказывает себѣ в удовольствіи приводить разные „инославянскія“ слова в выдуманной, исковерканной формѣ.

Таковы, между прочимъ,

литов. *navas* (29, вм. *navjas*), *zalas* (198, вм. *zālias*) и т. п.,

латин. *billis* (198, вм. *bilis*); *penna* (26),

готское *vargs* (homicida) (159). В готск. словаряхъ приво-

дится **-vargs st. m. geächteter Missethäter* „но только

как вторая часть сложнаго слова „*launa-vargs st. m. der*

Undankbare, 3. Tim. 3, 2: *lanavargos = ἀχαριστος*“),

санскр. *дана* (29) и т. д.

Затѣмъ, г. К. выдумалъ какой то новый законъ сербскаго ударенія (88), прибѣгая при этомъ совершенно не подходящему сравненію (88¹).

Г. К. выдает за исключительную особенность одного диалекта, в противоположность другому, то, что составляет в том другом диалектѣ самое обыкновенное явленіе.

Так напримѣр, вслѣдствіе смѣшенія букв и звуков, *и* в *сѣина* считается исключительной особенностью нарѣчія Кабатков, чуждою являю попольскому (188), тогда как *о* в польском *сѣино* выражает именно *и* (7).

Наконец, г. К. не довольствуется выдумываніем слов и звуковых законов, но выдумывает тоже „русскихъ славистовъ XI ст.“ (!) (77).

Очевидную неправду гласит автор, утверждая, что польское *oi* „сохранилось лишь въ немногихъ словахъ, какъ память о формации, болѣе ранней“ (90),

что „Живая рѣчь известной части русскаго народа давно уже не знаетъ *oi*, а одно *oi*“ (98) (при чем автор забываетъ о случаях, когда *oi* произносится с удареніем),

что „паразитные воваля“ появляются „при стеченіи двухъ вообще консонантовъ“ (83),

что „д“ проявляется“ у Словенцев „въ видѣ *o*“ (174) (развѣ только при специальныхъ условіях, о которых, как кажется, г. К. не имѣетъ ни малѣйшаго понятія; см. ниже),

что „русск. *oi* на почвѣ литовскихъ нарѣчій обычно въ формѣ *oi*“ (158), или что, „по общему закону рус. *oi*—лит. *oi*“ (158—159),

что „форма“ *oi* (*oi*) „ископи бытовала“ „въ словенскомъ языкѣ“ (152),

что въ Дебри „сохранилось и *z—o*, *o—e*, часто же вм. *oo*“ (51),

что „санскритскій воваля *o*“ „возводится“ „къ сочетанію“ *oi*, *oi* (126) (при чем г. К. забываетъ о санскр. *o*),

что Курціус (Curtius) „предложилъ отъ имени Общества князя Яблоновскаго въ Лейпцигѣ тему на соисканіе общій награды: „Объ отношеніи языковъ литовско-славянско-германскихъ“ в 1875 году (11), между тѣмъ какъ эта тема была предложена Курціусомъ еще в 1871 г. Кочубивскій же, измѣнивъ на обум год 1871 на 1875, выпускаетъ цѣлую вереницу выдумокъ, подпуская громогласныя фразы о „шатающемся положеніи“ того, чего до 1871 г. никто еще не расшатывал.

Каждому лингвисту, а тѣм болѣе лингвисту, избравшему себѣ предметом изслѣдованія какой нибудь спеціальнѣй фонетическѣй вопросъ, слѣдовало бы ознакомиться хоть сколько нибудь с физиологіею звуковъ. Между тѣмъ для г. К-го физиологія звуковъ является совершенною *terra incognita*.

Отсюда разныя наивныя объясненія отношеній и измѣненій звуковъ (30^а), 35, 44, 64, 81, 82, 83, 98, 99, 111, 112, 132, 132^а), 56, 171, 156, 173, 125, 180, 173—174, 49, 56, 182, 140, 77),

отсюда темныя и непонятныя выраженія, отдающія жреческой таинственностью (162^а),

отсюда смутныя, темныя понятія о „глухомъ звукѣ“ (110, 119 . . .);

отсюда добродушные рассказы о „поразительныхъ (!) звукахъ“, о „глухихъ (паузахъ)“ (177), об „окрашиваніи“ паразита въ *o* (177), о „*l* т. е. *yl*“ (128, 170, 171), о „*l*, т. е. *zl*“ (152, 171, 178—180, 180, 181, 205—206, 206, 207, 191),

о словахъ в родѣ *syłz* (*syulz*) (!! (207), *vyułn*, *vyułk*, „гдѣ ясно слышится *y* въ два такта“ (110),

о томъ, что „Присутствіе глухаго особенно ясно, когда темць требуетъ протяженія — *vyuu . . . łk*: тянется осозательно вокаль, а *ł* безъ движенія“ (110),

о томъ, что „*d* мягкое въ *sz*, *sz*, а предъ гортаннымъ *sz* перешло въ *sz*“ (63),

об измѣненіи *j*, входящаго в составъ *r'* (*rj*), в *z* и затѣмъ в *z* (!! в польскомъ, чешскомъ, верхне-лужицкомъ (!! (64, 57—58, 58) (при чемъ о наивномъ смѣшеніи буквъ и звуковъ нечего и говорить),

о переходѣ *j* в *sz* (53, 54, и др.) (при чемъ авторъ то сомнѣвается, то отдѣляется пустыми фразами);

отсюда непониманіе „вокализаціи вокала“ (135),

отсюда непониманіе взаимнаго уподобленія гласнаго и согласнаго (81, 82, 181, 85, 183),

отсюда выдумываніе разныхъ законовъ, и исторически невозможныхъ, и логически невысказанныхъ (182, 172, 173, 173—174 и т. д., ср. 175, 176 и т. д.), равно какъ и разныхъ процессовъ в родѣ „простаго метатезиса, не безъ вліянія асимилирующаго дѣйствія формы *ol*“ (165 и т. д.),

отсюда разныя объясненія чисто внѣшнія, „механическія“ (самъ ихъ такъ характеризуетъ на стр. 202), произвольныя (202, 203, и т. д.),

отсюда, согласно с общим характером хозяйственной, допотопной фонетики г. К-го, объяснение явлений языка „евфоническими условиями языка“, „элементом эстетического вкуса“ (84), „подъемом евфоническим“ (149),

отсюда „готовавные вокалы“ (отчего нѣтъ тоже „вокаловъ“ и „консонантовъ“ бетованных, гамованных, дельтованных и т. д.?), отсюда „јотація“, как *deus ex machina* объясняющая всевозможныя смягченія согласных (40, 43, 114, 186 и т. д.),

отсюда топорное объяснение чередованія *k* и *t* (43 и т. д.),

отсюда фонетическій мистицизм, выражающійся в курьезных вопросах в родѣ: „не скрывается ли и за чакавско-кайкавско-словенскимъ *j*—русск. *ж*—первичн. *dj* въ словахъ, какъ *meja*, *mej*, *rojen*, свистящій или шипящій звукъ — *z* или *ž*, подобно чеш. *prodej*, — *ja*“ (!) „изъ“ (!) „*prodeža*“ (58),

отсюда разныя другія т. п. выдумки и физиологическія безсмыслицы.

Интересно было бы узнать,

какими физиологически-акустическими свойствами отличается, по мнѣнію г. К-го, „глухой звукъ“ (ср. 119 и т. д.)? и затѣм, что такое, по мнѣнію г. К-го, гласный („вокаль“), и что такое согласный („консонантъ“) (ср. 153)?

Почему „понятіе долготы и „вставочности“ несовмѣстимо“ (126)?

Что значит: „вокальную“ службу служить можетъ и каждый консонантъ при неясномъ произношеніи? Почему, „когда русскій говоритъ „солнце“, и имѣетъ тоже значеніе, что чешское *l* въ *vlk*“ (123)?

Что значит „удареніе“ (153 и др.) по мнѣнію г. К-го?

Что значит „стремленіе *o* окраситься въ *a*“ (98), или же „окрашиваніе глухаго звука въ *y*“ (151)?

Что значит „спаситель въ видѣ шипящаго звука“ (129)?

Что значит „свойство плавныхъ *mutitia* своихъ соствлей“ (130)?

Что значит: „*dj* легко можетъ смѣшиваться съ *tj*“ (45)?

Что значит „огрубѣніе *шч* въ *шт* (изъ *штт*)“ (51—52)?

Что значит „*рубоватая* форма *дж*“ (54)?

Что значит „чахлая вариация сочетанія“ (191—192)?

На основаніи каких законов *b* перешло в *p* в ниже-лужицком *błocha—*płocha* (169, ср. 167)?

Почему „*w*” есть известное усиленіе (?) „*o*” (191)?

Почему „сложный звук *ждж*” есть „тяжелый” (62)?

Каким это образом „основное соч. *dj*, мѣняя свое *j* на шипящій звукъ (какъ изъ *rj*—*rž*), превратилось въ *dž* (*дж*) изъ *dš* (62, *dj*=*dš* !!=*dž*)? и т. д. и т. д.

Я полагаю, что г. К. не мало затруднился бы, еслиб потребовать от него серьезнаго отвѣта на эти вопросы.

За то он охотно злоупотребляет терминами естественных наук. Такъ, между прочим, ему понравилось иностранное слово „паразит”, и он на всевозможные лады оперирует паразитами, видя их на каждом шагу. Фонетическія теоріи г. К-го так и кипят „паразитами” (21¹), 79, 80, 79—88, 85, 208, 210, 211—211, 211), „вокалами-паразитами” (6 и др.), „паразитными звуками” (173—174), „спасительными „элементами паразитными” (50, 62), „паразитною вокализациею” (82—83, 83, 85, 86), „словами вокализации основной и паразитной” (85 и др.) и т. п., хотя всѣ эти слова ничего рѣшительно не объясняют.

Не удивительно, что такой знаменитый фонетик, как г. К., понимает произношеніе звуков разбираемых им языков далеко не точно.

Так наприимѣр, литовскія *š* и *dž* тождественны для него с русскими *ч* и *дж* (*dž*) (52, 53, 59), так что он считает эти звуки, *š* и *dž*, даже общими литовско-славянскими, между тѣм как они гораздо ближе к сербским *š* и *ž*, польским *ś* и *dź*, итальянским *ci* и *gi*, нежели к русским *ч* и *дж*.

А откуда взято г. К-м свѣдѣніе, что в южно-литовском *vm. š* и *dž* имѣются *ts* (= *c*) и *dz* (52)?

То, что говорится о литов. *karasztas, garėkas* (82), тоже доказывает, что г. К. не понял вовсе литовскаго произношенія.

„Стеченіе консонантовъ *b, l*” считается „непріятнымъ” (165), и поэтому мол оно „устраняется” (165), хотя это совершенно противорѣчит физиологіи звуков и исторіи языков.

Невѣжеством г. К-го в области славянских языков обусловлены заявленія, что основному *dj* соответствует „въ верхне- и ниже-лужицкомъ” „*dž* (почти *дж*)” (!! 63, — когда до-

статочно было справиться хотябы у Mikl. Vergl. Gramm. 1. 495, 509, чтобы убедиться, что в дужичских нарѣчіях в подобных случаях встрѣчается только *a*), в польском *dz* (!, 65, 63) и т. п.

Непониманіе фонетическаго строя стсл.-го языка и вообще языков славянских доказывается тѣм, что г. К. допускает в стсл.-ой возможность существованія слова *блѣскъ* (215, 216),

что, вопреки звуковым законам и логикѣ, видит въ отраженіе звуков *a, u, o* других языков аrioевропейских (29), что допускает в слов. яз. возможность слова **дърест* (Ц) (87), —

затѣм оно доказывается утвержденіем г. К-го, что, достаточно-сербскому *карст, каро* отвѣчаетъ без всяких дальнѣйших околнчностей, „далмат. *karst, karu*“ (142) и т. п.

что в русском возможна форма *болоскъ* (216), что „блистати“ сводится непосредственно „къ формѣ *блѣсъ*“ (216),

что отношеніе „между общерус. *полнь* и нарѣчнымъ *полонъ*“ такое же, какъ между санскр. *рдгня* (изъ *ragya*) и староперсидским *ragiva* (8; см. тоже 76) и т. д.

Затѣм, доказательства незнанія фонетическаго строя славянских языков, и малорусскаго в особенности, можно найти на стр. 200 и др.

Незнаніе фонетическаго строя польскаго языка видно изъ утвержденія, что польск. *reken* есть слѣдствіе „удроенія вокала послѣ *k*“ (92), что *er* слова *pierwszy* измѣнилось в *ir* в „разговорномъ“ *pirwszy* (91; ср. Бодуэн-де-Куртенэ „О древне-польскомъ языкѣ до XIV стол.“ § 77, гдѣ положительно доказано, что *ir* подробныхъ словъ древнѣе, и *z* измѣнилось в *e* подъ влияніемъ слѣдующаго *r*), что *skonce* (с *ю*) есть польская форма с древнѣйшихъ временъ (71; ср. Бод.-де-Курт. „О др.-поль. яз. до XIV ст.“ § 78, гдѣ показана древнѣйшая форма *skince*, в которой затѣм, подъ влияніемъ *u* и перешло в *o*) и т. д.

Незнаніе кашубской фонетики заставило автора видѣть измѣненіе в гласный *e* другаго гласнаго только в „этимологическомъ“ (?) „*ol*“, переходящемъ де в *el* (91), тогда какъ в кашубскомъ *e* является гласнымъ господствующимъ и замѣнителемъ разныхъ другихъ гласныхъ. См. тоже стр. 188, гдѣ тоже, вслѣдствіе незнанія этого свойства кашубскаго языка, г. К. дѣлаетъ наивные выводы.

Доказательства непонимания фонетики ниже-лужицкой: „з обоими лужицкими нарѣчіями понимается какъ эквивалентъ *o*, а не *e*“ (169); „*plucha*, т. е. *blocha*“ (?) (169) и т. п.

Доказательства непонимания фонетики чешской: 106 и др.

Доказательства непонимания фонетики словенской (с кай-кавскою): 176—177, 177 (в „*genulzse*“ *e* признается „пора-зительнымъ звукомъ“), 30—31 (ср. 32) и т. п.

Доказательства непонимания фонетического строя болгарскаго языка: 30, 150, 146, 146¹⁾, 195, 142 и т. д.

Не дав себѣ яснаго отчета в том, что такое, с физиологической точки зрѣнія, с точки зрѣнія произношенія, принимаемые им звуки, напримѣр *ж* и *к* (220, 107—108²⁾ и т. д.) и т. п., г. К. оперирует неизвѣстными величинами или просто пустыми фразами и ими объясняет явленія языка (90 и др.).

Если г. К. не согласен, напримѣр, с общепринятым теперь ученіем, что *ж* и *к* отражали этимологически *й* и *й̣*, и фонетически были первоначально ничто иное, какъ *й* (краткое *u*) и *й̣* (краткое *i*), то он должен был так или иначе опровергнуть это ученіе. Но наше требованіе, кажется, напрасно, потому что г. К.-му совершенно чуждо названное ученіе. Он, при всей своей эрудиціи и начитанности, не успѣлъ с ним встрѣтиться, какъ нигдѣ тоже не успѣлъ встрѣтиться с ученіемъ о соответствіяхъ звуковъ в отдѣльныхъ языкахъ аріевропейскихъ, и поэтому представляетъ наивные выводы и сравненія сочетаній звуковъ, в родѣ отождествленія *il* с *al* (*il* — *al*), или в родѣ того, что „литовское, какъ и аріевроп. *a* на почвѣ славянской = *o*, слѣдов. вокализація русскаго языка въ *болтать* сравнительно съ лит. *bildeht* еще на ступени доисторическаго литовско-славянскаго единства“ (158) и т. п.

Только отсутствіемъ достаточной подготовки и вообще незнаніемъ современнаго положенія сравнительной грамматики аріевропейскихъ языковъ можно объяснить себѣ то, что г. К. видитъ в языкахъ славянскихъ „потерю аблатива“ (3), а

с другой стороны чешск. *luzgatu* называет „abl.“ (172), выказывая таким образом незнание функций падежей.

Г. К. не понимает генезиса форм склонения, предполагаемая для окончания дат. пад. ед. ч. м. и ср. р. мѣстоим. и прилагат. *-ти* основную форму **-ъти* (-ъмоу) (31).

Наивное понятие о склонении вообще высказывается на стр. 166.

Для г. К-го н.-лужиц. форма аог. 2. с. *roklni* в выражении „*rabby, hley, ta figa, kotomu ty roklnu, ie sezchnula*“ есть 1 с. праев. (169), хотя в другом мѣстѣ (204) она считается аористом.

Незнание истории языка и диалектологии проявляется на стр. 81 и др., наивное понятие об истории языка — на стр. 166 и др.

Г. К. невѣрно объясняет происхождение и этимологический состав разных слов:

русск. *седло* (18; Mikl. Lexic.: „седло; седьма“);
словен. *terdni* (24: *tv'ird'in*),
затѣм предполагаемого стсл.-го *кля-ж* (179),
в.-луж. „*ples'* при *pliwac'*“, очевидно, простое сокращение изъ *pliwac'*“ (205),
болг. *норав* (84),
малорус. *загарбити* (84) и т. д.

Метод сравнений г. К-го довольно курьезный. Книга его полна невѣрных, безкритичных и нигде негодных сопоставлений. Так напримѣр,

нѣм. *Wolf* сопоставляется непосредственно с рус. *волкъ* (79),

лат. *mulgere* с *молозиво* (79) и т. д.,
„варп. рус. *што* изъ *чо*“ (!!); с польск. чешск. *со* (51), „словацк. *со* = чеш. *со*“ (53), „чеш. *cest* при gen. *cti*“ (53),
рус. *блота* с в.-луж. *tka* (169, 184) и т. д.

Иногда приводятся примѣры совершенно не подходящие, ни к селу, ни к городу. Так напр. чеш. *pokvete*, не известно зачѣм обрѣтающееся на стр. 24.

Вслѣдствие незнания звуковых законов и соответствий звуков в отдѣльных языках ариевропейских, г. К. допускает

еть невозможныя этимологіи, находя этимологическую связь там, гдѣ ея вовсе не имѣется. Таким хозяйственным способом (методом) объясняются слова:

рус. *болтать* (158), *холмъ* (159), *волкъ* (159), *дождь* и т. п. будтобы от основы *dođ* (61), *блевать* = *плевать* = *спрем-ген* (217), *блескъ* (218), *слеза* (218), *колякъ* из *клубукъ* (165), *полсть* (185) и т. д.,

малор. „*ковт* вм. *лот*“ (165),

стсл. *оржжикъ* (61, ср. поль. *oreż*),

старочешск. *ješče* (53), чеш. *Vltava* из *Moldava* (!) (124),

поль. „*ślonoścъ* изъ *soljoność*, *sołoność*“ (93),

серб. *ирк* (86), *дрновит* (86), *ирикав* (86),

литов. *balsas* (158), *palki* (161, in verba magistris, i. e.

Fickii), *kálnas* (161),

старопрус. *klunker* (?), (185),

„гот. *vargs*“ = *волкъ* (159, в готском нѣтъ такого слова, ср. выше),

нѣм. *holm* (161), *schluk* (184),

греч. *δέ* = стсл. *жде* и *же* (59),

лат. „*coelum* (= *caedlum*)“ (21), *billis* (! вм. *bīlis*) (198, cf. *fēl*, *fellis*), *lupus* (158), *longus* (160), *vulgus* (160, 79, — полкъ); *blatta* (184), *pullex* (184), *deglūtire* (184—185),

санскр. $\sqrt{kūl}$ (198), *gāura* (198), $\sqrt{sūr}$ (161) и т. д. и т. д.

Почти всѣ эти этимологіи — чужіе грѣхи, принятые на себя г. К.-м, бессмысленно повторяющим неудачные и ложные выводы. Так напр. Miklosich (Vergl. Gram. I. 303—304), много не думая, высказал слѣдующую догадку: „hängt nicht auch *присоје* (locus arpicus) mit *слънице* zusammen?“ Г. К. ухватился за эту вопросительнаго свойства Миклошичеву догадку и считает ее непреложною истиной. Для него серб. *присоје* и *осоје* (ср. стсл. *осоа*, Mikl. Lex. s. v.) происходят от основы *солн* (138, 139, 179, 193), между тѣм как на самом дѣлѣ подобное сопоставленіе совершенно невозможно, названныя же слова, *при-сој-е*, *о-сој-е*, того же корня, что *слъ-н-ь* (тѣнь) (*под слъ-нъ-ю* и т. п.). В силу своего „убѣжденія“ (?) о связи *присоје* с *солнцем*, г. К. стел умѣстным сдѣлать Даничичу выговор и дать ему проницательное наставленіе: „Основа *жод* въ *жодили*, по Даничичу, описка вм. *жоуд* („Речник“ I. 343); но она такая же описка, какъ основа *сон* вм. *солн* въ *присоје*“ (193).

Не удивительно, что при такой научной неиспорченности и дѣятельности г. К. не в состояніи формулировать

звуковыя соотвѣтствія и, напримѣр, русское *има* (с его рефлексами в других нарѣчіях славянских) сопоставляет непосредственно с предполагаемым *патап*; а *ио* с *јудит*, и на основаніи этих сопоставленій выводит общій закон о замѣнѣ „латин., греч., арійскихъ“ гласных *а, и, о* славянским *і* (29).

Об отличіи при этом словъ природных от заимствованных г. К. не имѣет, конечно, ни малѣйшаго понятія, и без всяких дальнѣйшихъ околочностей литовское *blake* (собственно *blākė*) считает не словом, усвоенным из русскаго, но только видоизмѣненіем литовскаго же *blizà*, являющагося исконнымъ чисто литовскимъ отраженіем русскаго *блоха* (184).

Само собою разумѣется, что такой ученый, как г. К., беззаботно смѣшивающій буквы и звуки, смѣшиваетъ тоже другія различныя вещи, между прочимъ различныя звуки, вопреки всѣмъ требованіямъ самой невзыскательной критики. Сюда принадлежит:

Смѣшеніе (неразличеніе) рус. *о* = стсл. *о* (*о* неподвижнаго) с рус. *о* = стсл. *ѡ* (т. е. с *о* подвижнымъ, бѣглым) (187: близокоу, 165: „не дѣйствуетъ на *о*“, 76, 75—76 и т. д.). Такое же смѣшеніе имѣетъ мѣсто с польскими *e* = 1) стсл. *є*, 2) стсл. *ѡ* или *ѡ*.

Затѣмъ, сюда принадлежит утвержденіе, что западная вѣтвь славянскихъ нарѣчій „отожествила *ѡ ѡ-рю*, т. е. перевела *о* въ *e*“ (!, 29), что в польскомъ „звуковая семья *о—ѡ* смѣшалась съ семейей *e—ѡ*“ (166) и т. д., однимъ словомъ совершенное непониманіе того, что

основно-славянское *ѡ (ѡ) = рус. о = поль. e,*
” ” ” *ѡ (ѡ) = „ e или o = поль. e (ie)*
и т. д. и т. д.

Крайнею поверхностностью страдаютъ сужденія г. К-го о нѣкоторыхъ особенностяхъ разсматриваемыхъ имъ языковъ. Говоря о нихъ, онъ вовсе не старается опредѣлить условій ихъ появленія, оставляя в сторонѣ вопросы: „гдѣ?“ „когда?“ и т. п.

Такъ напримѣр, онъ заявляетъ, что „форма *ol*“ „дала *и* въ резыанскомъ говорѣ“ (138), но не изволила справиться в

моем сочинении („Опыт фонетики резьянских говоров“), когда именно, т. е. в каких словах это *и* появляется.

Утверждать, что „въ резьянской долинь, говорятъ **безразлично**: *pršal.*“ (?), „*pršil. percha ja.*“ (?), „*paršal.*“ (87), „*bolcha.*“ (?), „*būcha.*“ (?), „*hult.*“ и т. п. (175), что „въ резьянскомъ говорѣ“ „**одинаково**“ **правильны** формы: *solga, souga, sūzama.*“ (208) — значит или недобросовѣстно пользоваться трудами других, или же не быть в состоянии понимать данные, сообщенныя в этих трудах.

Полная безкритичность г. К-го доказывается смѣшеніем поль. *dz* и *dz'* и серб. *ѣ* (36), смѣшеніем черногорскаго *дж* с *дж* карпаторусским и т. д. (36),

смѣшеніем русскаго *ол* и байк.-словен. *ol* (131—134, 148);

смѣшеніем *tn = n* с поль. *stn, zdn = sn, zn* (25);

смѣшеніем *dn, tn = n* с *dm = m* (24),

отожествленіем отношенія рус. *ночь* и поль. *noc* с отношеніем *čas* к *cas, zona* и *zona* (47—48),

смѣшеніем болгарскаго *шт* (= *tj*) с *шч* в *шчо* (50);

смѣшеніем *жд* с *ж* (из *g*) (59),

смѣшеніем и непониманіем фонетики сербской: „л“ (4), какъ звукъ трудно произносимый, славянскій по преимуществу, легко переходить въ *у* или *в*, даже *о*“ (139),

смѣшеніем в латинскомъ *и* из *о* с исконнымъ *и* (184—185),

и т. д. и т. д.

Безобразныя смѣшенія, вопреки исторіи языка, видны в названіи „кашубско-полабско-албанскоболгарское *gard — gord*“ (8).

Примѣры из отдѣльных словянскихъ языков (полаб., чешск., словен., серб., дакослав., болг., стсл.) и из литовскаго приводятся без критики (80, 80—81, 81, 81—82, 82).

Нѣкоторыя слова г. К. переносит в несвойственную им среду, навязывая им чужую національность. Напримѣр,

литовское *blusà* названо ст.-прусским (184),

„ *obuly's* „ латышским (185).

и т. д.

Другія опять слова из инородцев переименованы в автохтоны, и обратно:

серб. усвоенное *рожанство* и т. д. признается чисто сербским (55);

литовское *obuly's* и т. д. признается литовским (185).

поль. (отчасти бѣлорус.) *неборакъ* признается великорусским (59)...

и т. д.

Латипскія или латинизованныя и германизованныя формы считаются словянскими (86 и др.), и на них строятся выводы об особенностях нарѣчій словянских. Напр.,

чешск. *Zuontibold* (116, 127), *Zuentibaldus* (116) и т. п., откуда вывод о „формахъ *ul, lo, lu, al** (!) (117) и т. д.

Г. К. только что забраковал в обзорѣни полабских слов слово *blowotino*, как Гнѣзненское, но вдруг ему стало жалко, и он нѣсколькими строками ниже приводит то же самое слово в числѣ полабских (203).

Затѣм, г. К. смѣшивает слова и корни, не имѣющіе собственно ничего общаго между собою:

каш. *połc* (*полтъ*) с поль. *pilśc'* (89, — ср. поль. *połec'*), словацк. *pltv* с корнем *plet, plot* (127, 128, 130, 162, 172, 173, 205—206), между тѣм как они, с этимологической точки зрѣнія, не имѣют ничего общаго между собою, и словацк. *pltv* находится в связи с тѣм же корнем, который свойствен словам рус. *плы-ть, пло-т* и т. п., поль. *plu-nie, plw-tw-a* и т. п., нѣм. *floß* и т. д.,

поль. *kłoc'* (=клячъ!!) — рус. *клок* (!=кляк) (165, 169), рус. *клокъ* — полаб. *Klockow* и т. п. (167—168),

„ *клокъ* — нижнелуж. *klokaś* или *kłokaś* (168, 169),

„ *клокъ* — чешск. *kloček, klok* (170, 172, 173, 174),

и т. д. и т. д.

Г. К. без разбору смѣшивает слова, в состав которых входят сочетанія, отражающія рус. *ол=стел. лз*, с такими словами, состав которых совершенно другой. Сюда принадлежит, между прочим,

слово *желвь*, стсл. *желвь, желва*, с его видоизмѣненіями в отдѣльных нарѣчіях словянских (186, 190, 191, 193, 194, 196, 198). Это слово находит себѣ отраженіе в греч. *χέλως* (*χ*, fem.), и его славянская основная форма имѣет в темѣ (основѣ) **želŭ-*, в nominativѣ же **želŭ*, ср. *krŭv-: krŭ-* (крякъ), *l'ŭbŭv-: l'ŭbŭ* и т. п. А между тѣм, приведши названное слово там, гдѣ не слѣдует, г. К. на основаніи этого сказал длинную тираду с притязаніем на новыя открытія в наукѣ.

Затѣм, под ту же категорію подходят слова:

поль. *scoriga* (!), *scorigina* (79), *połlocz* (а не *połloc*, как у г. К-го, 94) (= *połlocz*, inf. *połloczyc'*; в теперешнем

польском переводѣ священнаго писанія: это слово в данном мѣстѣ замѣняется словом *podętać*: *podęse na ziemi*), и т. д.

Точно так же ни к селу, ни к городу приводится „мазурское“ *siad* (19), которое, говоря мимоходом, есть форма не исключительно мазурская, но общепольская, так как, вслѣдствіе исчезовенія *sz* из *siadk*, *sradk* (фонетически: *siatk*, *sradk* . . .) развились именно *siat*, *srad* . . . (писанья: *siad*, *srad* . . .) и т. д.

Кромѣ того, так же неумѣстно приводятся слова:

серб. *нарав*, *корак*, *аенат*, *некао* . . . , *нравѣ* . . . , *малин* . . . , (81),

стсл. *балванъ* . . . (148, — ср. поль. *bałwan*), *балванъ* и *балванъ* (155—156),

кашуб. *galdzic* (97),

серб. *кобасица* (138),

в.-луж. *Wolin* (!) (104) и т. д.

Крайнее невѣжество или, по крайней мѣрѣ, невниманіе выказывает г. К., утверждая, что *же* в серб. *може*, *ложак*, *ложити* имѣется в. ѣ (45).

Г. К. смѣшивает формы положительныя, исторически данныя с предполагаемыми (26 и т. д.).

Г. К. смѣшивает племена, а именно: Резьян и Словенцев (80—81, 131¹), 208), Кайкавцев и паннонских Словян (131), Румын и Словян (179—180), Мадыар и Арийцев (159: „Древнѣйшая арийская форма сохранилась въ мадыарскомъ: *farkas* [собств. *farkas*, произнос. *farkaš*] „=волкъ“), Мадыар и Словян (87, 157¹), 175, 192, 82), мадыарскій языкъ с словянским (124).

Г. К. без всяких основаній ставит въ ргіогі отмѣтки говорам и нарѣчіям, и, забрав себѣ в голову, что „консерватизм“ есть свойство похвальное, а невизна — свойство неодобрительное, вопреки очевидным фактам, кашубскій „говоръ“ называет „консервативнымъ“ (93¹), 94, 188), нарѣчіе словинцев и кабатков „архаическимъ“, „болѣе старымъ“, кашубское „менѣе консервативнымъ“ (89), „нарѣчіе словенско-кашубское“ „наиболѣе консервативнымъ говоромъ польскимъ“ (89), „нѣкоторыя из чешскихъ нарѣчій, смотря по вкусу, „консервативными“ (125), другія не консервативными, дудлѣбское подрѣчіе „однимъ изъ консервативнѣйшихъ“ (206), словенское нарѣчіе в долинтѣ зильской „самымъ убогимъ“ (208).

Русскій язык „старше, консервативнѣе“ остальныхъ нарѣчій славянскихъ, хотя онъ в то же время „свѣжѣе“ ихъ (66) и т. д. При этомъ г. К. поступаетъ себѣ, какъ шулеръ. Для него произвольной подтасовки предполагаемыхъ свойствъ консерватизма и новизны достаточно для того, чтобы опредѣлять связь явленій и дѣлать всевозможные выводы. Къ сожалѣнію, онъ плохой, неискusstный шулеръ, и даже человекъ, маломальски понимающій дѣло, в состояніи уличить его в произвольной подтасовкѣ.

Кстати можно замѣтить, что все сочиненіе г. К-го построено на такой произвольной подтасовкѣ отчасти совершенно перевернутыхъ фактовъ, вопреки здравому смыслу, логикѣ и исторіи языка.

Г. К. оцѣниваетъ другихъ явно несправедливо и приписываетъ имъ мнѣнія, которыхъ они никогда не высказывали.

Такъ напримѣръ, онъ повторяетъ за Вгеллемъ неблѣдлицу о знакомствѣ Ворра „съ славяно-литовскими языками“ (13); отказывая за то в подобномъ знакомствѣ всѣмъ новѣйшимъ, настоящимъ или же предполагаемымъ, приверженцамъ и защитникамъ теоріи родословнаго древа, Bezzenberger'у, Hugo Weber'у, Jagić'у, Leskien'у и т. д.

Затѣмъ, вслѣдствіе ли торопливости или же неспособности понимать читаемое, г. К. навязываетъ Jagić'у (215, 214), Schleicher'у (121, 121²), Kurschat'у (52¹), Schmidt'у (10—11, 10, 6, 92, 11), Böhlingk'у (Бетлингъ) (122—123), Miklosich'у (88: „слово *крестъ* нѣмецкаго происхожденія“, 135—136, 200) и другимъ (111, 112¹), 2 слѣд., 15) разныя чуждыя имъ мнѣнія и способы объяснять явленія.

Между прочимъ, и пишущій эти строки удостоился слѣдующей замѣтки со стороны г. К-го: „въ глосаріѣ у Бодуэна („О древне-польскомъ языкѣ“) выраженіе грамоты *Velchowe* отнесено къ *√блх*; но или въ грамотѣ описка (если не въ изданіи), или слово должно быть объяснено иначе“ (167). Я, правда, отнесъ *Velchowe* въ корню *блх*; но откуда г. К. знаетъ, что это тотъ же корень, который имѣется в словѣ *блха*? На такую догадку мое простое сопоставленіе не даетъ ему права. Что же касается „описка“ или же необходимости „объяснять иначе“, я позволю себѣ сопоставить с названнымъ словомъ русское *блховни*, мѣстное названіе *Болхово*; фамилію *Балховитиновъ* и т. п., затѣмъ поль. *belchliwy*

— *bełkollawy* и т. п., и, что самое важное, название теперь существующей мѣстности *Bełchów* (Варшавской губерніи, Ловичскаго уѣзда). Если это название „лично неприятно“ г. К-му (ср. стр. 121), то пусть он войдет с прошеніем, куда слѣдует, о том, чтобы, по примѣру мѣстностей *Radzumin*, *Radzyn*, *Mińsk*, *Bendzin*, *Częstochowa*, *Jędrzejów*, *Piotrków* и т. п., передѣланных в *Radimin*, *Radin*, *Minsk*, *Bendin*, *Częstochow*, *Andrejew*, *Petrokow* и т. д., и *Bełchów* получил название, менѣе препятствующее его (г. К-го) праву.

Г. К. смѣшивает Ворг'а со Schmidt'ом (10, 92, 113). Трагестирова же Schmidt'а, он все таки там, гдѣ пристрастіе и одностороннія, предвзятая мысли заставляют его отступать от сего послѣдняго, докторальным тоном удивляется Schmidt'у и дѣлает ему маленький выговор (162, 162¹).

Несправедливо обвиняются Schleicher (6), „приверженцы школы Шлейхера“ (6), при чем г. К. негодует негодованіем своего барина по наукѣ, Schmidt'а, Kurschat (52¹) и другіе.

Нужно обладать извѣстною долей самоувѣренности, если не дерзости, чтобы, путая, как мы уже видѣли, *полоть* и *пלותь*, *plu* и *vr̄lat*, *колатъ* и *клобукъ* и т. п., и вообще столь блистательно доказывая свое „примитивное“ знаніе славянских нарѣчій“, обвинять в таком знаніи других (185: „Фикс № 604; при своем примитивномъ знаніи славянскихъ нарѣчій, путаетъ слова *полоть* и *пלותь*“).

Г. К. позволяет себѣ, не зная вовсе санскритских грамматиков, обвинять их в „мистичизмъ“ (120—121). А между тѣм она сколько выше стоял бы г. К., если бы хоть в со- той части усвоил себѣ ясность, ясноту, изложенія и точность санскритских грамматиков.

Самым курьезным является навязываніе другим потаенных мыслей, обвиненіе их в научном лицемеріи и предумышленной лжи. Так напримѣр, сказано о Миклошичѣ: „Любопытно, что въ словарѣ Миклошича подъ *бръзъ* помѣчено: „ср. *блескъти*“; но напрасно послѣднее слово — *блескъти* — мы бы искали въ его словарѣ. Дѣлая эту ссылку, автор сдѣлал lapsus mentis и выдалъ себя — *онъ въ душѣ не могъ не признать*, что въ русской формѣ *блескъ* хранится первичная вокализация корня *bhr̄agh* блестять, разсвѣтать — на почвѣ славянской“ (218). Прежде всего г. К. дѣлает много шуму изъ пустяков (*viel lärm um nichts*). Попавшеся ему

в словарѣ Миклошича *блеснѣти* есть простая опечатка вм. *блеснѣти*. Ибо в противном случаѣ, считая *блеснѣти* словом старословянским, Миклошич выказал бы такое незнаніе стсл.-ой фонетики, какое может быть свойственно г. К-му; но никогда Миклошичу. Затѣм, не есть ли это крайняя степень дерзости без всяких положительных доказательств заподозривать других в умышленной лжи, в иезуитской *restrictio mentalis* и др. т. п. безнравственных поступках. По всей вѣроятности, г. К. заключает о других по себѣ, и во всяком случаѣ послѣ этого мы имѣем право предполагать в его сочиненіи на каждом шагу умышленное извращеніе истины.

Своими цитатами г. К. хочет пускать пыль в глаза, и цитует даже такіа сочиненія, которых или вовсе не видѣл, или, если и видѣл, не читал, если же читал, не понимал.

Цитует же г. К. крайне небрежно. Заглавія приводит иногда совершенно не точно, так что книги узнать нельзя. Так напримѣр, говорится о „*Jenaer Literaturanzeiger*“ (11); тогда как таково вовсе не полагается, но за то есть „*Jenaer Literaturzeitung*“.

Из одной книги г. К. дѣлает нѣсколько. Так случилось, между прочим, с Венелиным (76, 85, 148, 182, 195), с Коритар'ом (18, 132, 193, 207), с Jagić'ем (43, 45, 81, 195, 151), с Потевнею (65, 77, 78, 79, 91, 162). *Zeuss* переименован в *Zeussa* (159³), и т. п.

Затѣм, г. К. цитует не совсѣм вѣрно, переводит не точно, без вниманія (4—5³), 6, 82, 94 и т. п.), помѣщает цитаты вовсе не подходящія (7, 39), или ничего не говорящія, лишніа (9, 23, 166).

Неточныа цитаты: 18, 266, 19, 15, 95³), 108³), 118³), 181³), 132⁴), 152³), 187, 211 и т. д.

Вм. *венційск.* стоит *миланск.*, вм. *провенсальск.* — *франц.* (57).

Невѣрныа и неточныа цитаты слов: 139 (cf. 137), 158, 160 и т. д.

На стр. 122 г. К. открыл даже „*второе изданіе II тома т. наз. „Сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій“ ав. Миклошича*“, а между тѣм позволяет себѣ въ том же мѣстѣ говорить о Миклошичѣ с пренебреженіем, подтруни-

вать над ним: „гдѣ вѣнскій славистъ широковѣщательно излагаетъ свой взглядъ“ (122).

Безсовѣстная *цитата* находится на стр. 91^а), гдѣ г. К. упрекает Потебню его же собственными словами. Потебня говорит: „Ошибочно непосредственное сближеніе *i* въ этой формѣ съ *i* въ литовскомъ *wilks*“ (Къ исторіи звуковъ, стр. 65). Г. К. же заявляет: „Ошибочно непосредственное сближеніе *i* въ этой формѣ съ *i* въ литовскомъ *wilkas*, какъ это дѣлаетъ авторъ“ (т. е. именно Потебня) (91^а).

II.

Итак, мы познакомились с внутренней и внѣшней стороной критики г. К-го, т. е. мы узнали, как безкритично и недобросовѣстно относится он к фактам, на которых основывает свои выводы. Теперь слѣдует рассмотреть его метод, т. е. его способ комбинировать эти факты и строить на них свои выводы. Эта часть ученой работы, так сказать, стратегія научно-литературной техники (тогда как критическое отношеніе къ отдельным фактам можно сравнить съ тактикою), в сущности гораздо важнѣе; ибо только от надлежащей комбинаціи фактов зависит точность и вѣрность общих выводов. Поэтому намъ бы слѣдовало еще с большею подробностью заняться рассмотрѣніем метода г. К-го. Но, утомившись непродуманным странствованіем по дебрям ошибок и „недосмотров“, наполняющих книгу г. К-го, я болѣе не въ состояніи углубляться съ тою же тщательностью и акуратностью въ ея прелести, и принужден сократить свой разбор по возможности. Я полагаю, что и без того достаточно согрѣшил противу своих обязанностей относительно самого себя и других, посвятивъ столько времени на вполне непродуманный труд, состоящій въ разборѣ такого научнаго ничтожества и въ повѣркѣ всего, что въ нем высказывается.

Сократив разбор, я этим нисколько не измѣняю его сущности. А что окончательные результаты „ученыхъ изслѣдованій“ г. К-го не могут никуда годиться, видно уже из того, что они основаны на столь безкритично и недобросовѣстно подобранных фактах, какъ мы только что видѣли.

именно тожество Карпат с „прародиною Славянъ“, — как вопрос темный и на вряд ли разяснимый, относительно второй части (разстоянія от „прародины“) я позволю себѣ усумниться. Вѣдь от Карпат ближе до Адриатическаго или же Балтійскаго моря; нежели до Казани или хотябы даже до Москвы.

Но стр. 221 читаем слѣдующую тираду, представляющую окончательный результат „ислѣдованія“ г. К-го:

„Славянскія нарѣчія представляли вѣкогда одну массу, характеръ которой сохраненъе всего донесся въ языкѣ того народа, который остался сиднемъ сидѣть на „черной“ прародинѣ славянства, который на разстояніи многихъ вѣковъ блюлъ свято дѣдану и отчину славянъ, „ископи обитателей страны, доселѣ ихъ носящей и питающей“ — народа русскаго“ (221).

По поводу этого я позволю себѣ замѣтить слѣдующее:

„Сиднем сидѣть“ тридцать лѣтъ и три года прилично и возможно Ильѣ Муромцу, крестьянскому сыну, но не цѣлому народу, да еще с таким устройством, как не прикованный к почвѣ народ русскій в прежнія времена. Как г. К. клеветает на русскій язык, утверждая, что он вовсе не пошелъ в историческом развитіи от основно-славянскаго состоянія, точно так же он клеветает и оскорбляет русскій народ, приписывая ему неподвижность и „сиднем сидѣніе“ в теченіе болѣе, чѣм тысячи лѣтъ. Кто же „колониизвал“ (заселил, передвигаясь с мѣста на мѣсто) восточную Европу, Сибирь, да и в наши дни продолжаетъ это постоянное, безпрерывное движеніе с запада на восток, колонизируя Ташкент и другія вновь приобрѣтенныя страны? Слѣдовало только справиться с русскою исторіей; в ней г. К. нашел бы опредѣленный отвѣтъ на этот вопрос, и не возводил бы напраслины на русскій народ.

И так, мы видим, что г. К. для краснаго словца не пожалѣлъ правды. Но, впрочем, это было бы слишкомъ лестное мнѣніе о г. К-ом. Он сдѣлал это не нарочно, с точки зрѣнія науки является невѣроятным и, в виду этихъ смягчающихъ обстоятельствъ, заслуживаетъ полнаго снисхожденія.

4) Методу г. К-го, как видно изъ предшествующаго, свойственна т. наз. *petitio principii*, свойственны „выводы“, навязанные фактамъ, а не добытые путемъ сравненія и индукціи (166, 138, 23, 6—7, 91, 57, 26, 152 и т. д.).

5) В связи с этим г. К-му свойственна крайняя самоуверенность (32, 33, 51, 48—49, 55—56¹), 75, 75—76, 77, 115, 140—141, 155 и т. д.).

6) Затѣм, г. К-му свойствен полвѣйшій произвол и „субъективизм“. Он сортирует явленія по вкусу, и по вкусу же ставит их во взаимную генетическую связь, попадая при этом в разительныя противорѣчія (29, 57, 125, 140, 149, 152, 178, 198, 210, 93, 94, 107—108, 110, 140, 111, 216 и др.).

Так, между прочим, стсл.-ое однообразіе (взлхъ, жлхтъ, влхъ, слзъ (?) и т. п.) позже русскаго разнообразія (волк, желт (?), блоха, слеза и т. п.), но русское однообразіе (волк, полный, полк, желтый, долгий и т. п.) старше польскаго разнообразія (*wilk*, *pełny*, *pełk*, *dobry*, *długi* и т. п.).

7) Г. К. прибѣгает весьма охотно к так называемому „*argumentum ad hominem*“ (112, 12¹, 152, 161 и т. д.).

Логика г. К-го, проходящая через всѣ его выводы и соображенія, отличается слѣдующими свойствами, изобличающими собственно полное отсутствіе логики:

1) Г. К. не соблюдает перваго условія логическаго мышленія, а именно правила *тождества* (*identitas*) и *разности* (*differentia*), состоящаго в том, 1) что *A* остается *A* во всевозможных сочетаніях, не нарушающих его природы, 2) что, если из *A*, вслѣдствіе каких нибудь причин, развивается *B*, то оно, при тѣх же условіях, развивается из *A* всегда, без исключенія. У г. же К-го, смотря по вкусу, 1) *A* может остаться *A* или же, без всяких причин, измѣняться в разныя другія величины, 2) *A* может, при точно тѣх же видоизмѣняющих условіях, переходить то в *B*, то в *C*, то в *D* и т. д. (53, 32, 62, 140, 174, 29, 186, 198, 90, 7—8, 35, 37, 39, 40, 41, 41, 43, 44, 44—45 и т. д. и т. д.).

2) Объясняя извѣстныя явленія с помощью форм гипотетических, необходимо соблюдать условіе, чтобы эти гипотетическія формы не скрещивались и не смѣшивались с формами явленій разнородных. Послѣ полнаго смѣшенія не возможно допускать простое воскресеніе прежних различій. — Это условіе не соблюдается г. К-м.

3) Если имѣются (существуют) рядом два сходныя, родственныя явленія, x и y , заставляющія предполагать между ними генетическую связь, основанную на их общем происхожденіи, то естественнѣе всего заключать, что оба эти явленія представляютъ разнообразныя видоизмѣненія чего то третьяго, как их общаго источника, впоследствии исчезнушаго, или скорѣе продолжающаго существовать в своих разнообразныхъ потомкахъ. Такимъ только образомъ можно объяснить себѣ родство формъ органическихъ, родство языковъ, родство словъ и т. д. У г. же К-го совсѣмъ иначе. Имѣя два родственныя явленія, x и y , он произвольно, смотря по вкусу, выводитъ или x из y , или же y из x , и совершенно обходится безъ гипотетическаго третьяго, z (48 и др., 52—53, 65 и т. д.). На этомъ основаны всѣ умозаключенія г. К-го. Между прочимъ, подтѣрживая надъ тѣми, по мнѣнію кого „Авраамъ роди Исаака — сербъ роди руса“ (52), именно г. К. постоянно твердитъ, что Русъ „роди“ всѣхъ Словянъ.

4) Г. К. не имѣетъ вовсе чуткя для логическихъ противорѣчій. Ему ничего не стоитъ сказать объ извѣстномъ предметѣ раз, что онъ черный, другой раз, что онъ бѣлый.

5) Довольно часто можно встрѣтить у г. К-го такъ называемое *hysteron proteron*, или русскимъ терминомъ, *шворотъ на выворотъ* (40 и др., 93 и др., 101 и др., 138 и др.).

6) Конечно, не в меньшей мѣрѣ отличается г. К. и по части силлогизмовъ. Умозаключенія его образцовы в ироническомъ смыслѣ этого слова (149—150, 150, 39 и т. д., 49, 54, 60, 78, 78¹), 86, 90, 92—93, 112, 118—119, 121—122, 125, 128, 135, 143¹), 152—153, 156, 158—157, 159, 160, 164¹), 171, 21 и т. д.). Читая книгу г. К-го, почти на каждой страницѣ можно наслаждаться подобными логическими прелестями. — Какъ главный отдѣлъ сочиненія, о „плавныхъ сочетаніяхъ: конс + л, р + з — ъ + конс“, так и предшествующіе ему эскурсы (введеніе, о x , о $t, d + j$ и т. д.) построены на курьезныхъ силлогизмахъ и умозаключеніяхъ, напоминающихъ знаменитое: „*baculus stat in angulo, ergo pluit*“.

Курьезныя выводы о tj и dj находятся на стр. 39, 35, 37, 40, 41, 43, 44, 44—45, 45, 45³), 46, 47—48³), 51, 56, 57, 58, 59, 60, 55, 63, 64.

Больше всего же можно наслаждаться силлогизмами и вообще умозаключеніями г. К-го при разборѣ „плавныхъ со-

четаній“, изслѣдованію которыхъ посвящено главному образомъ его сочиненіе. Здѣсь почти сколько строкъ столько бессмыслицъ и вообще логическихъ неожиданностей (71, 72, 76, 76—77, 88, 89, 90, 91, 93, 101, 104, 124, 125, 128, 131, 132, 138, 145, 192, 195, 197, 198, 154, 79—80, 146, 126, 109, 125, 58, 123^a) и т. д. и т. д.). На различіе, напримѣр, польскихъ *wilk*, — *pełna*, — *łusty*, — *szólno*, — *czarny*, — *wirzch*, *wirzba*, — *ciarki*, *ciernie* и т. п., на поразительное совпаденіе польск. *milczec*, *wilk* съ резьянскими *míl'at*, *ák*, в противоположность польск. *długi*, *pełny* и т. п. — рез. *dolgi*, *polni* и т. п. (Бод.-де-Курт. „Опытъ фонетики резьян. гов.“ §§ 147—149); на постоянное, выдержанное написаніе стел.-ихъ памятниковъ „папюнской“ рецензій (вѣк-, мѣхъ пѣм...), на совпаденіе съ этими словами литовскихъ *vilkas*, *pilnas* и т. п., и т. д. и т. д. г. К. не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Все рѣшаютъ какіе-то ни с того, ни с сего появляющіеся *dei ex machina*, сообразно со вкусомъ и ежеминутнымъ расположеніемъ духа почтеннаго автора, не останавливающагося ни передъ какою натяжкой, ни передъ какою подтасовкою фактовъ. Нечего и говорить при этомъ о поверхностности взгляда, о незнаніи фактовъ, о поправіи правилъ простѣйшей логики и здраваго смысла.

Силлогизмъ „*baculus stat in angulo, ergo pluit*“ напоминаютъ, между прочимъ, тѣ мѣста книги г. К-го, гдѣ онъ рѣшаетъ извѣстные вопросы простымъ *большинствомъ голосовъ*, „давленіемъ всей массы славянскихъ языковъ“ и т. п. Если извѣстное явленіе языка встрѣчается в такой то формѣ у большинства Словянъ, то оно, по мнѣнію г. К-го, *eo ipso* в этой формѣ древнѣе, нежели соответствующее ему явленіе в нарѣчіяхъ меньшинства (48, 53, 66, 72, 72—73, 97, 103, 90, 140, 149, 161, 176 и т. д.).

С помощью отчасти наивныхъ и неумѣлыхъ, отчасти же недобросовѣстныхъ сопоставленій, с помощью смѣшенія (неразличенія) вещей различныхъ и различенія (раздѣленія) тождественныхъ г. К., точно фокусникъ, выводитъ все изъ всего, и такимъ образомъ вводитъ ужаснѣйшій хаосъ в свое изложеніе (82, 79—80, 79, 80, 133, 139, 155—156 и т. д.). Для г.

К-го нѣтъ ничего невозможнаго (139, 100, 143, 176, 177, 178, 188—189, 209, 199—200, 130, 220 и т. д.).

Г. К. не понимает вовсе спеціальныхъ условій, при которыхъ извѣстное явленіе измѣняется иначе, нежели обыкновенно.

Такъ напримѣр, онъ не понимаетъ различія измѣненій звуковъ в независимомъ положеніи отъ измѣненій подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ (57, 44, 45, 36, 47, 53, 55, 57, 61, 40, 41, 46, 87, 102, 103, 103^а, 133, 139 и т. д.).

Затѣмъ, онъ, вслѣдствіе незнанія, не принимаетъ вовсе во вниманіе дѣйствія народнаго словопроизводства и аналогіи (85, 79, 84, 86, 18, 18^а, 18—19, 21—22^а, 22, 24, 24—25, 25—26, 43, 76, 84, 126, 142, 149, 200, 204, 205, 207, 208—209, 211, 213—214, 215 и т. д.).

Затѣмъ, см. стр. 157, 110 и т. д.

Для г. К-го не существуютъ вовсе требованія географіи и хронологіи. Онъ никогда не задается вопросомъ: гдѣ? когда? Какъ в другихъ отношеніяхъ, такъ и в этомъ сочиненіи г. К-го носитъ на себѣ печать полнаго произвола и представляетъ хаосъ безъ всякаго порядка (29, 18, 18—19, 24, 24—25, 25, 29, 40, 45 (44—45), 70, 92, 98, 110—111, 136, 19, 204—205, 189, 135^а, 41—42, 121, 196 и т. д.).

Русскіе звуковыя законы переносятся безцеремонно в другія словянскія нарѣчія (145, 186, 188, 189, 190, 195 и т. д.).

Новыя, вторичныя явленія ставятся на одну доску съ древними (37 и др.).

Для подтвержденія своихъ положеній, г. К. приводитъ явленія, вырванныя изъ общей связи со строеніемъ языка, которому они свойственны, лишая ихъ такимъ образомъ почвы, рассматриваетъ отдѣльныя явленія в отвлеченіи отъ всего строя и состава даннаго языка, нарѣчія и говора, даже, по видимому, вовсе этого строя и состава не понимая (35, 67, 216, 213 и т. д.).

При заимствованныхъ словахъ не принимаются совершенно во вниманіе особенности языка заимствующаго (62 и др.).

III.

И с вѣшной стороны книга г. К-го представляет труд неряшливый, нестарательный.

О цитатах г. К-го было сказано выше.

Язык и слог г. К-го далеко не привлекательны, и отличаются многословіем, фразерством, высокопарностью, набором ничего не значащих слов (I, II, III, III, 1—2, 16, 17, 21, 26, 49—50, 53, 120, 216, 140, 222, 221, 104, 159, 135¹⁾, 37, 39, 65, 75, 84, 107, 192, 11, 66, 66, 85, 85, 124, 124, 4, 43, 184 и т. д.).

Животисныя выраженія не у мѣста и отчасти неприличныя: 9, 9, 10¹⁾, 10, 11 и т. д. и т. д. Неумѣстныя похвалы и epitheta ornantia: 4, 10, 12, 5 и т. д.

Примѣры иногда даже просто неправильнаго языка: 27, 27, 28, 29, 72—73, 73, 78, 88, 88¹⁾, 111, 111, 115, 190, 42¹⁾, 69, 69—70, 72, 77¹⁾, 76, 89¹⁾, 107, 108¹⁾, 135, 149, 154, 169, 171, 183, 210, 32, 87, 90, 91, 105, 105, 125, 138, 140, 152, 156, 157, 160¹⁾, 180, 160¹⁾, 53, 92, 195, 134 и т. д.

Своеобразныя выраженія: 30, 67, 69, 85, 95, 130, 141, 169, 170, 90, 83, 153 и т. д.

Как будто-бы полонизмы: 164 (ср. 170), 181, 221 и т. д.

Германизмы и галлицизмы: 5, 41, 83 и т. д.

Г. К. ругает факты (25, 106¹⁾ и др.).

Наивности: III, 138, 138, 21 и т. д.

Мѣста непонятныя: III, 1, 16, 27, 27, 29, 39, 39, 53 сн., 73 сн., 78¹⁾, 84, 84, 161, 202, 213, 217, 121¹⁾, 121, 123, 126, 126, 20, 127, 129, 160¹⁾ и т. д.—Особенно наивно и непонятно 160¹⁾: „Съ глубокимъ сожалѣніемъ указываю на тотъ печальный фактъ въ нашей наукѣ, то“ (!) „такіе серьезныя труды, какъ труды скромнаго чешскаго гимназическаго учителя, Маценауера, прошли незамѣченными: о немъ ни у Гейтлера, ни у Шмидта, ни у Ягича, и авторъ остался незамѣченнымъ, въ тѣни, не смотря на то, что были въ жизни славянъ моменты, когда на него должно было обратить вниманіе“ (?!).

Знаки непонятныя: + = (105): „поморцевъ, полабцевъ и верхнихъ лужичанъ (+ славяне Саксоніи вообще — мильчане)“.

Неточности выраженія: 15, 165, 178, 64, 119, 151 сн. и т. д.; 120, 139, 169, 184, 105 и т. д.

Выраженіе на стр. 176 (строка 11—10 сл.) может наводить на мысль, что у каждой группы нарѣчій есть свой русскій языкъ.

Терминологія, принятая г. К-им, имѣет тоже свои странности. Отчасти г. К. выдумывает своеобразныя названія; — в чем еще не особенная бѣда, — отчасти же, — что гораздо важнѣе, — совершенно превратно понимает ходячіе обыкновенныя термины и выраженія (32, 34, 34, 54, 37, 25, 52, 75, 51, 67, 127, 144, 150, 150, 40, 189, 8, 10, 123, 177 и т. д.).

Почему г. К. называет *Зогрифское* Евангеліе „Зоографскимъ“? (151, 214, 215 и др.). Неужто для уподобленія в *зоологій*, *зоотоміи* и т. п.?

Что это за народ „слабо-сербы“? (51).

Невѣрный перевод с нѣмецкаго: 9—10¹), 12¹) и т. д.

Знаки препинанія поставлены небрежно. Вообще же интерпункція своеобразная, не особенно лестно свидѣтельствующая о логикѣ автора и во всяком случаѣ не удовлетворяющая требованіям § 67 „Правилъ об испытаніях зрѣлости“ (12, 134—135, 143, 204 и т. д. и т. д.).

Нестарательность г. К-го выражается еще тѣм, что опечаток в его книгѣ пропасть, а между тѣм вовсе не приложено их списковъ.

Хотя сочиненія прежнихъ русскихъ филологовъ и лингвистов со стороны содержанія очень часто не соответствовали современному положенію науки, все же таки они старались выражаться ясно и вообще были грамотны. В послѣднее же время появились в Россіи „филологи“ и „лингвисты“, удостоиваемые даже высшихъ ученыхъ степеней, но при всей этомъ не обращающіе вниманія на подобныя мелочи и не считающіе своею безграмотности существеннымъ недостаткомъ. В этой дружинѣ удалыхъ молодцовъ науки г. К. занимает весьма почетное мѣсто.

IV.

Разсмотрѣвъ недостатки книги г. К-го, остановимся теперь на ея достоинствахъ. Достоинства эти сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Г. К. довольно много, если не читал, то по крайней мере просматривал, но, к сожалѣнію, просматривал поверхностно, безтолково и безкритично. Поэтому он весьма несомнѣтельно знаком с работами других. Свои свѣдѣнія о нѣкоторых ученых он почерпал не из сочиненій этих ученых, но из третьих рук. Вся эрудиція г. К-го только на показ.

2) Есть в книгѣ г. К-го вѣскольکو болѣе или менѣе мѣтких замѣчаній и предположеній, напримѣр, о вліяніи польскаго языка на малорусскій (76^а), сообщаются довольно интересные данныя о правописаніи чешскихъ рукописей (113—114) и т. п.

Затѣм, заслугу г. К-го составляетъ собраніе нижнелужицкихъ примѣровъ (напр. 101—103), хотя тоже не совсѣм критическое.

V.

Резюмируя все сказанное о недостаткахъ и достоинствахъ книги г. К-го, мы должны констатировать *громадный перевѣсъ на сторонѣ недостатковъ*.

Къ этому можно прибавить еще слѣдующее:

1) Г. К. взялся за работу безъ достаточной подготовки и слишкомъ торопился.

2) Подобнаго рода спеціальныя изслѣдованія, основанныя на обособленныхъ, отдѣльныхъ фактахъ, могутъ только тогда принести какую нибудь пользу, когда они совершены всесторонне, по всѣмъ правиламъ научнаго метода, в связи съ цѣлымъ строемъ языковъ, в которыхъ эти факты замѣчены. Но какое можетъ имѣть значеніе пересаживаніе съ грядки на грядку на обум, на скоро подмѣченныхъ явленій и усердное повтореніе однихъ и тѣхъ же, ничѣмъ не доказанныхъ, общихъ положеній?

3) Точно къ такому же „результату“ можно было прійти безъ всякихъ изслѣдованій, обладаая только храбростію изъ категоріи „audaces fortuna juvat“ и своеобразною благонамѣренностію.

4) Бойкость и самоувѣренность не могутъ замѣнить строгаго научнаго сообразительности.

5) Такой методъ, какъ г. К-го, возвращаетъ языковѣдѣніе къ тѣмъ блаженнымъ временамъ, когда можно было, „mutata П-

тега *x in y*“, выводит все из всего, смотря по вкусу и по обстоятельствам. А такой метод дѣлает невозможною какую бы то ни было науку.

6) Можно бы подумать, что г. К. хотѣл подшутить над здравым смыслом, еслиб в его сочиненіи не было громадной доли ученой наивности.

Теперь спрашивается: „въ какой мѣрѣ сочиненіе“ г. К-го „способствуетъ къ *полному познанію* избраннаго авторомъ предмета?“. В отвѣтъ на это можно замѣтить:

Г. К. надѣл русскія очки, окрашивающія под русскій цвѣтъ явленія всѣх остальныхъ славянскихъ нарѣчій. Специальныя отношенія в отдѣльных нарѣчійхъ вовсе не разсмотрѣны и не опредѣлены. Слѣдовательно, сочиненіе г. К-го все не способствуетъ къ полному познанію избраннаго им предмета.

„Соотвѣтствуетъ-ли“ сочиненіе г. К-го „современнымъ требованіямъ науки и критики?“

Отвѣтъ: Из предшествующаго видно, что сочиненіе г. К-го не только современнымъ, но какимъ бы то ни было серьезнымъ требованіямъ науки и критики не соотвѣтствуетъ.

В связи съ этимъ находится вопросъ: на сколько ново содержание книги г. К-го, и на сколько автор самостоятеленъ?

Г. К. взял главное из Schmidt'a (*Zur Geschichte des Indogermanischen Vocalismus*. II. Weimar 1875), обыкновенно не понимая, в чем дѣло, и по большей части испортивъ его (Schmidt'a) изложеніе. Самостоятельно же г. К. разукрасилъ свое сочиненіе цитатами, большею частью совершенно лишними и не нужными, а довольно часто вовсе не подходящими. Другими словами: Сочиненіе г. К-го есть, по существу дѣла, по идеѣ, ничто иное, какъ травестація частички названнаго труда Johannes'a Schmidta, есть неумѣлая компиляція, распространенная самостоятельно некритически подобранными примѣрами.

Было бы несравненно больше пользы, еслиб г. К. добросовѣстно сопоставилъ слова, подходящія под избранную им фонетическую категорію, и опредѣлил эмпирически случаи появленія разныхъ форм. А такъ вышелъ просто хаосъ и безполезная путаница.

Г. К. наивно замѣчает в предисловіи (стр. II): „Вопросъ о родствѣ членовъ славянской семьи, точнѣе, вопросъ о пониманіи этого родства, безспорно, кардинальный въ наукѣ славяновѣдѣнія, въ одно и тоже время и весьма старый, и весьма новый. Позади его уже цѣлое столѣтіе, а *подвинулся онъ на шагъ. Если, послѣ моего изслѣдованія, можно будетъ сказать — онъ подвинулся на два* — достигъ своей цѣли“ (II).

Говорят, что хорошее мнѣніе о самом себѣ составляетъ половину счастья, и это несомнѣнно. К сожалѣнію, мы не станемъ раздѣлять только что приведеннаго лестнаго мнѣнія г. К-го о достоинствахъ и заслугахъ его труда. И, правда, не много смыслу в шагистикѣ науки; но все таки позволю себѣ замѣтить, что книги в родѣ сочиненія г. К-го не только не подвигаютъ научныхъ вопросовъ ни на одинъ волосокъ, но всегда являются тормазомъ для науки и, как научный тормаз, онѣ положительно вредны.

Наконецъ, поставимъ вопросъ: „*действительно ли русской ученой литературѣ не доставало подобнаго творенія?*“

Отвѣтъ: Мы уже видѣли, что, в отношеніи к общей научно-лингвистической литературѣ, сочиненіе г. К-го является неумѣлою компиляціей. На спеціальной же почвѣ русской ученой литературы уже 30 лѣтъ тому назадъ Максимовичъ в „Начаткахъ русской филологіи“ писалъ о томъ же предметѣ гораздо лучше, ибо короче, яснѣе и толковнѣе, — не говоря о болѣе позднихъ трудахъ П. А. Лавровскаго, А. А. Потебни и др.

З а к л ю ч е н і е .

С какой стороны ни подходи к сочиненію г. Кочубинскаго, получается всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ:

Сочиненіе г. Кочубинскаго для специалистовъ не представляетъ ничего новаго, для начинающихъ же оно положительно вредно и могло бы служить для нихъ развѣ только образцомъ в отрицательномъ смыслѣ. Вслѣдствіе сего оно является научнымъ тормазомъ, который лучше всего считать совершенно несуществующимъ, не теряя времени на углубленіе в украшающія его частныя прелести. При изслѣдованіи вопросовъ, которыхъ книга г. Кочубинскаго будто бы

касается, можно с чистою совѣстью оставлять ее совершенно без вниманія.

И. Бодуэн-де-Куртенэ.
(J. Boudouin de Courtenay).

Казань, Вишнев, Варшава и Радом,
июнь, июль и август.
1878 г.

Уже написав разбор I-го тома сочиненія г. Кочубинскаго, я ознакомился с 1-м выпуском его II-го тома п. з.

Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій.

Основная вокализация плавныхъ сочетаній: конс. + л, р + з — ь + конс. Исслѣдованіе А. Кочубинскаго, экстра-ординарнаго профессора императорскаго новороссійскаго университета. Томъ II. Выпускъ 1. Одесса. etc. 1878.

Здѣсь автор „привлекаетъ каждое нарѣчіе къ допросу“ (стр. 14), чтобы, подтасовывая явленія „последовательности ор — рз“ в области „плавныхъ сочетаній: конс. + р + з — ь + конс.“ (стр. 1), произвести точно так же, как и в I-м томѣ, безпардонную руссификацію всѣхъ нерусскихъ варѣчій словянскихъ.

Этотъ выпускъ ни в чемъ не уступаетъ I-му тому, отличающійся тѣми же недостатками и, если угодно, даже тѣми же достоинствами.

Изъ предисловія узнаемъ, между прочимъ, что разобранное мною сочиненіе г. К-го есть его докторская диссертация, и затѣмъ, что „положеніе захолустнаго слависта имѣетъ свои условія“. Оканчивается же предисловіе слѣдующимъ словоизверженіемъ:

„Да простятъ мнѣ шероховатость, жесткость мѣстами моего слова: тамъ“ (гдѣ?) „говорило невольное чувство“.

В самомъ сочиненіи в числѣ другихъ курьезовъ читаемъ:

1) что Миклошичъ принадлежитъ къ числу „ученыхъ фельетонистовъ“ и что „изреченія мудрецовъ“ (т. е. именно Миклошича) „будутъ занесены въ патологическій лексиконъ науки“ (45),

2) что „земляки“ г. Б-го „не видать умаленія „государевой чести“ въ сохраненіи *иностранныя термина*: Ignatius напр. для нихъ Игнатій, а не Ватрославъ . . .“ (77¹).

Не подлежит сомнѣнію, что мой разбор книги г. Кочубинскаго многимъ покажется слишкомъ рѣзкимъ, пожалуй, даже „неприличнымъ“. И в самом дѣлѣ, хотя я сдерживался в выраженіяхъ и избѣгалъ пустой брани, все же таки старался высказывать свои мнѣнія о недостаткахъ разбираемаго сочиненія безъ всякихъ обвиняковъ. Относясь такъ къ одному произведенію, я имѣлъ в виду общій недугъ, которымъ страдаетъ ученый отдѣлъ русской литературы.

В русской научной литературѣ, и прежде всего в области наукъ историческихъ, филологическихъ и лингвистическихъ, завелась особая порода бравыхъ молодцовъ, обладающихъ только храбростью и готовностью говорить и писать о томъ, чего не понимаешь и не знаешь. Шарлатанство и недобросовѣстность, при полномъ незнаніи элементовъ науки, — вотъ качества, характеризующія эту породу. Многіе изъ этихъ господъ, рѣшающихъ в послѣдней инстанціи важнѣйшіе научные вопросы и для интеллигентной толпы олицетворяющихъ собою „послѣднее слово науки“, походятъ на математиковъ, которые, не зная первыхъ четырехъ дѣйствій, принялись бы за самостоятельную обработку и передѣлку высшей математики.

Трудно не согласиться, что ученые этого пошиба наносятъ положительный вредъ тому, что называется наукою, а между тѣмъ они получаютъ ученые степени магистровъ и докторовъ и, затѣмъ, преподавательскія мѣста в русскихъ университетахъ. Самымъ печальнымъ является при этомъ фактъ, что многіе изъ нихъ поддерживаются не только себѣ подобными, но даже людьми знающими и научно-честными.

В виду этого я считаю долгомъ всякаго человѣка, дорожащаго успѣхами науки в какой бы то ни было странѣ и в какомъ бы то ни было государствѣ, и имѣющаго случай высказаться, относиться безпощадно къ подобнымъ проявленіямъ научнаго „ташкентства“. Конечно, в данную минуту это не можетъ имѣть практическаго значенія и зла не устранитъ. Но, по крайней мѣрѣ, не скажутъ, что тотъ или другой, имѣя возможность протестовать, не протестовалъ и не отличилъ клеймомъ шарлатанства того, что подобнаго клейма вполнѣ заслуживаетъ.

Впрочем, справедливость требует замѣтить, что авторы, выпускающіе в свѣтъ жалкіе плоды своего невѣжества и шарлатанства, находят себѣ поддержку с той стороны, с которой меньше всего слѣдовало бы ожидать этого.

В историко-филологических факультетах нѣкоторых русских университетов завелся и продолжает господствовать пагубный обычай, при оцѣнкѣ магистерских и докторских диссертаций обращать вниманіе главным образом на количество, а не на качество. Достаточно, чтобы ищущій ученой степени представил толстую и „жирную“ книгу. Не спрашивают же вовсе, обработал ли он хоть один вопрос в самом дѣлѣ *самостоятельно*. А знаніе элементов науки — это уж такая пустячная мелочь, что об ней даже и упоминать не стоит. Мало того, нѣкоторые из официальных ученых выказывают явное презрѣніе къ положительным познаніям и въ требованіи их от студента или от магистранта видят униженіе университетскаго образованія и низведеніе его на уровень гимназій.

Необходимым слѣдствіем того, что все вниманіе оцѣнивающих научныя диссертации сосредоточивается не на качествѣ, а на объемѣ этих послѣдних, является разжиженіе мыслей и многословіе.

У оцѣнивающих толстыя диссертации нѣтъ ни времени, ни охоты читать их со вниманіем. Они обыкновенно слегка их просматривают, но за то любятъ их импонирующим объемом и вѣсом иногда въ нѣсколько фунтов.

При таких требованіях магистранты и докторанты добросовѣстные хотят удивить свѣтъ чѣм то небывалым, колоссальным, чѣм то, долженствующим произвести переворот в наукѣ, и, конечно, не смотря на всѣ усилія, не успѣвают в этом. Для недобросовѣстных же дѣло полученія ученой степени значительно облегчается. Написать много гораздо легче, нежели мало, но толково и самостоятельно. Один из профессоров, кажется, Петербургскаго университета весьма мѣткою сиротил кого то, желавшаго удивить его объемистою диссертацией: „развѣ у вас не было времени написать поменьше?“

Но, как добросовѣстные, так и недобросовѣстные, составляя книгу, именуемую докторскою диссертацией, слишком часто считают священным долгом своим почить на лаврах и работать по возможности меньше. У добросовѣстных,

кромѣ громаднаго утомленія и потребности отдохнуть, отбивает охоту к дальнѣйшим занятіям то обстоятельство, что, пиша столько, они, при самом искреннем желаніи, не были в состояніи обдумывать все, как слѣдует, не были в состояніи работать строго методически, и терялись в хаосѣ фактических мелочей и эрудиціи.

С другой стороны, кто сочиняя на скорую руку толстыя книги, слегка проскользнул по дорогѣ, ведущей к ученым степеням и почестям, а, сдѣлавшись доктором и профессором, вздумал дальше заниматься, тот, конечно, может заниматься только так, как при составленіи диссертаций, т. е. поверхностно и недобросовѣстно. Подобнаго рода раз заведенная привычка относиться к своим трудам остается почти на всегда, и почти невозможно от нея отдѣлаться.

Почтенные библіофилы, глядя на толстыя компиляціонныя плоды шарлатанства, радуются увеличенію отечественной литературы. Правда, она увеличивается, но как? Увеличивается научный сор, увеличивается тормаз для будущих изслѣдователей, а за то затрудняется доступ новым открытіям, новым идеям.

Поэтому прежде всего слѣдует вывести обычай приносить в жертву Молоху эрудиціи и компиляціи настоящую науку, которую в подобнаго рода сочиненіях подавляют или шарлатанство, или же „ученость“.

J. V. de C.

Казань, декабрь 1878 г.